ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 85.156.44

Е. Н. Иванова

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Российский карикатурист М. Златковский заметил, что «в культуре России есть колоссальная системная проблема: это страна слова, вербальная, но не визуальная» [5]. Речь шла о проблемах развития карикатуры, но этот тезис достаточно точно иллюстрирует и характер исследований политической сферы. Речевые практики анализируются много и всесторонне, чего нельзя сказать об исследовании визуальных репрезентаций, которые также способны воспроизводить динамику реального. За последние двадцать лет в России наметилось серьезное оживление дискурса вокруг гендерных аспектов политического участия. Во многом это связано с формированием публичной сферы [19], одна из функций которой — «проявление и сопоставление интересов разных общественных групп, их далеко не совпадающих представлений о способах решения назревших проблем» [11, с. 10]. Ю. А. Красин называет этот процесс «взаимным знакомством» субъектов нарождающегося гражданского общества [11, с. 11]. Женщины не только вовлечены в политический процесс, становятся парламентариями, министрами, главами муниципальных образований, проявляют себя в протестной оппозиционной деятельности, но и выступают как публичные фигуры, становятся предметом общественной рефлексии.

В этой статье предпринята попытка проанализировать особенности визуальной репрезентации женщин в российской политической карикатуре последнего десятилетия. Анализ репрезентации не ограничивается исключительно карикатурой на действующих политиков. Для глубокого понимания культурной маркировки происходящих процессов необходимо, чтобы аналитические рамки были шире исключительно профессионального круга политиков.

В качестве базовой модели для анализа репрезентации рассматривается типология женских образов в карикатуре, предложенная канадским исследователем А. Тюржоном, которая включает образы *«обыкновенной женщины»* (femmes ordinaires), *«женщины-символа»* (femmes symboliques) и *«феминизированного персонажа»* (personnages féminisés) [23, p. 362]. Анализ этих трех типов дополнен рассмотрением особенностей персонифицированной карикатуры.

Спецификой политической карикатуры является то, что она призвана по своей природе быть мощнейшим средством формирования общественного мнения. Небольшая картинка может оказать более сильный эффект, нежели множество серьезных аналитических статей, поскольку выступает индикатором настроений, способным в комплексе образов аккумулировать коллективные ассоциации и опыт.

© Иванова Е. Н., 2013

Цели, которые ставят перед собой карикатуристы, не всегда столь радикальны, случается, что карикатура несет в себе развлекательный, а не сатирический смысл, однако если сравнивать политическую карикатуру с другими жанрами этого искусства, то высказывание здесь традиционно гораздо жестче. Более того, политическая карикатура часто вообще не ставит перед собой задачу рассмешить. Чем выше накал политических дебатов, тем менее развлекательным становится изображение. Российский карикатурист В. Богорад отмечает: «В тоталитарных системах карикатура утрачивает главное — юмор. Художник теряет чувство меры. На карикатурах времен французской революции лица политических врагов рисовали не иначе, как на интимных местах» [4]. Этот жанр в наиболее концентрированном виде представляет стереотипы, не отвлекаясь на мелкие детали. При этом карикатура — такой специфический вид искусства, который не только не старается избегать стереотипов, но выискивает их, акцентирует на них внимание, поэтому ориентация на «злобу дня» не является для карикатуриста чем-то зазорным и конъюнктурным. Юмор состоит из определенных символов и ссылок, которые часто носят не универсальный характер. О. Рябов подчеркивает, что «символ устанавливает норму и девиацию, тем самым определяя Своих и Чужих» [15, с. 8]. Попытка понять юмор другой культуры требует признания того, что восприятие зависит от совокупности культурных представлений, понятий и ценностей.

Еще в недавнем прошлом неотъемлемым атрибутом практически каждой советской газеты, от районной малотиражки до центральных, была карикатура. Несмотря на цензуру, явный идеологический заказ, советская карикатура все же представляла собой довольно мощное и самостоятельное явление.

Сегодня карикатура постепенно уходит из традиционных СМИ. Властный заказ на карикатуру падает, если не отсутствует вовсе. В Интернете профессиональную карикатуру постепенно вытесняет другой тип изоанекдотов, а именно «народное творчество», демотиваторы, фотожабы, самодеятельный креатив. С одной стороны, любое изображение, которое обличает, высмеивает, осуждает, сознательно создает комический эффект, может быть формально причислено к карикатуре. С другой — требование к изображению, опубликованному в СМИ, гораздо выше и с точки зрения качества исполнения, и с точки зрения ответственности за содержание. В политической карикатуре причастность к конкретному СМИ и отсутствие анонимности налагает дополнительные обязательства.

Можно ли смеяться над женщиной? А над политиком?

Формально карикатура направлена не на высмеивание конкретного человека, а на визуализацию анекдотичной ситуации. Председатель гильдии карикатуристов А. Рыжов называет это «карикатурой не на конкретного дурака, а о дурости вообще» [10]. Однако когда речь заходит об изображении женщин, возникает неожиданная дилемма. Тема высмеивания женщины остается низовой, латентно неодобряемой обществом. Женщин в политической карикатуре мало — и их изображений, и карикатуристок. Жанр был и остается преимущественно мужским. Известных имен карикатуристок в России и в мире единицы[1].

[1] Следует оговориться, что благодаря английскому и американскому движению суфражисток в истории сохранились не только имена активисток, но и карикатури-

Это касается не только визуальной сферы. Женщина-политик старается сохранить за собой привилегии своего пола, которые предусматривают более снисходительное отношение. Примером тому может служить инцидент, возникший в связи с публикацией в газете «Московский комсомолец» статьи Г. Янса «Политическая проституция сменила пол». Депутат А. Исаев счел ее оскорбительной из-за упоминания имен женщин-депутатов и решил защитить честь и достоинство коллег. Основной причиной негодования стало не столько обвинение в продажности власти, сколько обвинение женщин, которые должны быть неприкосновенны в жестоких политических играх.

Это в некоторой степени объясняет и декларируемое в ряде интервью желание карикатуристов избежать неприятного объяснения того, кого же высмеивает карикатура, чиновника или женщину [3, 13]. Директор израильского музея карикатуры Г. Гаон на вопрос о табуированных темах в израильской карикатуре говорит: «Израильтяне — очень чувствительны: нельзя смеяться над религиозными, над арабами, над женщинами, над немцами. Существует внутренняя критика, мешающая свободе слова» [18]. Практически эту же мысль высказывает и А. Влизков, представитель российской региональной журналистики: «Мы принципиально не изображаем женщин и не изображаем священнослужителей. Для чиновников никаких ограничений нет» [6]. Здесь присутствует противопоставление чиновника абстрактного и чиновника-женщины, а также явная отсылка на то, что при выборе политической фигуры для сатирических изображений лучше придерживаться мужских персонажей, поскольку женщины входят в «чувствительную» группу, изображение которой грозит потенциальными разбирательствами.

Следует отметить разницу между женщиной-политиком и женщиной — объектом манипулирования политикой. XIX в. — время дебатов относительно гражданских прав женщин, которые довольно часто фигурируют в качестве персонажей как зарубежной, так и русской карикатуры, но выступают скорее предметом политической игры, нежели действующим лицом. Женщина — политический деятель появляется в карикатуре гораздо позже; при этом, если говорить о России, репрезентация ее весьма специфична. Серия революций 1905 и 1917 гг. привела Россию из самодержавной империи в СССР. Именно в этот период на историческую сцену выходят несколько женщин-политиков, которые могли привлечь общественное внимание: И. Арманд, А. Коллонтай, Н. Крупская, А. Самойлова, Р. Землячка и ряд других. Однако карикатура этого времени все равно не рассматривает их в полной мере как политиков. Характерен эпизод, описываемый в книге воспоминаний «О временах и людях» советским художником-графиком Б. Ефимовым, об опубликованной в одной из петроградских газет того времени карикатуре, герои которой Коллонтай и Дыбенко. На карикатуре под названием «Межведомственные трения» изображена двуспальная кровать, рядом с которой матросские сапоги и дамские туфли [9]. Смещение акцентов из сферы публичного в сферу приватного, которая традиционно рассматривается как сфера женская и детская, достаточно ярко иллюстрирует неготовность общественного сознания воспринять серьезно появление женщины как самостоятельной фигуры на политической сцене.

сток: Н. Аллендер, И. С. Пропер, М. Лаундес, Л. Джейкоб, Л. Роджер. В остальные периоды в искусстве карикатуры доминировали мужчины [22].

И если в советской карикатуре 20—30-х гг. женщина еще присутствует как социально активный персонаж, то в послевоенный период ей, как правило, отводится роль жертвы, страдающей от пьянства мужа и униженной в столкновениях со службами быта. В послевоенной советской истории женщина-политик отходит в тень. Значимых фигур, облик, высказывания, характерные черты которых были бы хорошо всем знакомы, практически нет. Как отмечает О. Рябов, «в большевистской иконографии Советскую Россию — как и СССР — символизирует мужчина» [15, с. 25]. Однако следует заметить, что и мужчина-политик в официальной советской карикатуре мог быть только в двух ипостасях: «западный империалист» или «мелкий советский бюрократ-чиновник». Потребность в канализации напряжения в советское время берет на себя политический анекдот, в котором реализуются те же принципы, что и в анекдоте графическом. Официальная политическая карикатура — это то, что советский человек пролистывает, стараясь скорей перейти к карикатуре бытовой.

Для того чтобы кто-то стал объектом карикатуры, необходимо узнавание, которое не тождественно формальному знакомству с политической деятельностью. Люди должны ясно представлять себе образ, голос, стиль в одежде и поведении. Образ этот должен быть многократно транслирован в СМИ. Вопреки впечатлению, сформированному рекламой, где женщины имеют безусловное лидерство [20], в новостных блоках телепередач и газет женщины представлены гораздо меньше. По данным исследования «Global Media Monitoring Project», проводившегося в 2005 и 2010 г. в 71 стране мира, включая Россию, материалы новостных сюжетов, в которых женщины выступали как эксперты в той или иной области, составили 17 % от общего количества. Вторая волна исследования в 2010 г. показала небольшое увеличение до 20 %, но и в этот период женщина в качестве активного политического деятеля или эксперта практически незаметна [24]. В большинстве новостных сюжетов женщина фигурирует как жертва, свидетель или случайный персонаж. Даже такие традиционно женские сферы занятости, как образование и здравоохранение, в качестве экспертов в СМИ представляются преимущественно мужчинами. В сфере же политики и экономики достигнуть уровня узнаваемости женщине еще сложнее [21].

В определенной степени эта тенденция характерна и для карикатуры, которая неразрывно связана со СМИ. Из 394 изображений (2006—2013 гг.), размещенных на портале РИА «Новости» под рубрикой «политическая карикатура», на 54 присутствуют женщины. Карикатур на иностранных политиков — 34, на российских женщин-политиков — 9, содержат изображение женщины в качестве лица второго плана или феминизированного символа — 11. Иностранные женщины-политики вызывают гораздо больший интерес у карикатуристов, причем сюжеты связаны по большей части с забавными ситуациями личного порядка: Х. Клинтон раньше положенного срока поздравила королеву Елизавету, А. Меркель получает к 55-летию титул «Frau Kanzlerin». Карикатура как реакция того или иного политика в отношении России оказывается в меньшинстве. Наибольшую популярность имеют Ю. Тимошенко (11 карикатур), Х. Клинтон (9), королева Елизавета II (4), А. Меркель и С. Пэлин (3). Иностранные женщины-политики выступают, как правило, в качестве главного действующего лица, чего не скажешь о карикатурах на российские сюжеты. Редко какой персонаж встре-

чается здесь более двух раз. Такую честь заслужили только В. Матвиенко и Е. Батурина. Остальные персонажи встречаются единожды, и часто это совсем не ключевые фигуры российской политической жизни. Такое отсутствие интереса к представителям именно российской политической жизни может быть вызвано целым рядом причин, главной из которых видится глубоко укоренная в общественном сознании трактовка участия женщин в политической сфере как сугубо западная традиция, не вполне усвоенная и адаптированная.

Персонифицированная карикатура и шарж

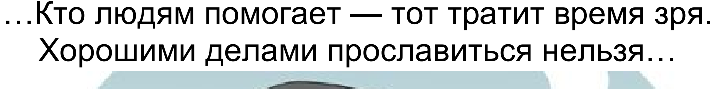
Персонификация карикатуры, а именно изображение конкретного политика, имеет разные национальные традиции. Так, в английском языке жанр «*caricature*» включает исключительно персонифицированные графические изображения, которые, несмотря на шаржирование черт, обязательно должны быть опознаны читателем. Если используются символический язык, аллегории, обобщения, то такое изображение относится к классу «*cartoons*». В русской традиции подобная категоризация не принята и понятие карикатура толкуется гораздо шире. Персонифицированному варианту карикатуры отводится скорее жанр шаржа, в рамки которого редко входит толкование события. Это, по большей части, высмеивание погрешностей стиля и вкуса, преувеличенное и комичное изображение характерных внешних недостатков. Символическая составляющая шаржевой карикатуры менее очевидна и ее интерпретация часто связана с расшифровкой стратегических действий того или иного политика. В США при изображении женщин-политиков прослеживаются две характерные модели сопряженности персонифицированной карикатуры и смыслового импульса. Х. Клинтон в период предвыборных дебатов 2008 г. в карикатуре изображается как женщина, которая не следит за своей внешностью, прической, костюмом. Основной посыл таких карикатур — «если она не в состоянии позаботиться о себе, то как же она позаботится о нас». Если в конкурентную борьбу вступает мужчина, то при всем своем неидеальном телосложении, костюме и прическе он получает гораздо меньше критики. С. Пэлин, напротив, изображается красоткой, часто в купальнике, с идеальным макияжем и прической. Это своего рода попытка объективации: женщина-политик подается исключительно через тело, красивое лицо, стиль, не имеющий ничего общего с политическим опытом, знанием ситуации. Коннотация такой карикатуры достаточно очевидна: женщина-политик может привлечь внимание только благодаря физической привлекательности, а не квалификации и деловым качествам. И в том и другом случае репрезентация накладывается на предвыборную стратегию и коммуникативная целеустановка просматривается достаточно определенно.

В обоих случаях присутствует эксплуатация гендерной метафоризации, расстановка особых маркеров, поиск варианта Чужого. Метафора «женщины Чужих», предложенная Т. Рябовой в работе «Политический дискурс как ресурс “создания гендера” в современной России», точно демонстрирует особенности выстраивания политической тактики путем проявления чуждых качеств. «Мужчины Чужих обычно изображаются как либо недостаточно, либо чрезмерно маскулинные (агрессивные, амбициозные или даже жестокие); женщины Чужих — как неженственные или слишком женственные (безвольные, безынициативные, бесправные и т. д.)» [17, с. 314]. Вместе с тем политическая карикатура всегда

изображает именно Чужих, ее инверсионная структура предусматривает смысловое или эмоциональное выделение качеств, противоположных одобряемым.

В практике советских карикатуристов шарж был скорее добродушным, нежели жестким. Вот как характеризует этот жанр Б. Ефимов в эссе «Что такое шарж?»: «Что-то забавно присочинено, что-то весело переиначено, что-то лукаво опущено, а что-то, наоборот, неимоверно подчеркнуто» [8, с. 4]. Все коннотации «забавно», «весело», «лукаво», «неимоверно» — положительные, в них просматривается симпатия к персонажу шаржа. Шарж на советского политического деятеля в официальной печати и вовсе отсутствовал. А карикатуристы из диссидентских кругов использовали другие приемы, насыщенные более сложными культурными маркировками.

В современной российской политической карикатуре шарж присутствует, но проследить стратегическую линию сложно, поскольку сатирическая составляющая опирается либо на интертекстуальную связь, либо на ситуационную составляющую. Анализ заложенной в карикатуре цитаты не только не проясняет суть, но делает ее еще более зыбкой. Установить какие-либо модели политической борьбы сложно. В наиболее распространенном виде шаржевая политическая карикатура просто искажает пропорции, утрирует внешние недостатки без каких-либо смысловых референций. Работа А. Дмитриева достаточно показательный пример такого рода персонифицированной карикатуры. В образе есть явная отсылка на персонажа мультфильма Старуху Шапокляк (ил. 1). Но любой человек с советским прошлым помнит, что этот персонаж отнюдь не однозначный, она то вредит, то помогает главным героям. Зритель остается в недоумении. Единственно, в чем он может быть уверен, так только в том, что угадал конкретного политика.

Ил. 1. А. Дмитриев. Шаржевое изображение председателя Комитета Государственной думы РФ по безопасности и противодействию коррупции И. А. Яровой. 2013 г. (URL: http://caricatura.ru/list/shiz/url/shiz/toliks/1551/ (дата обращения: 01.09.2013))

Бабушка с гречкой или мамаша с пирожками

В персонифицированной карикатуре женщина является главным действующим лицом, хотя и не всегда. Даже в таком жанре она часто изображается как объект ведомый, управляемый закулисными силами (ил. 2).

Ил. 2. А. Меринов. «Так… с макияжем пора завязывать».
(URL: http://www.mk.ru/upload/iblock_mk/merinovreport/90/79/4e//90_936.jpg
(дата обращения: 01.09.2013))

Однако более традиционная роль в карикатуре отводится женщине в качестве фона, на котором вершится большая политика. Есть определенная специфика в изображении «обыкновенной женщины» в российском контексте и зарубежном. Если речь идет о России, то наиболее характерным типом становится бабушка, обиженная и испуганная либо, наоборот, сметливая и склочная. Приведем несколько примеров карикатур. Бабушка в платочке смотрит доверчиво и испуганно, услыхав от чиновника весть о том, что президент РФ подписал указ о мерах по противодействию коррупции. Другая старушка советует пожелавшему прокатиться в московском метро Шварценеггеру запастись гречкой по сходной цене. Испуганная отменой дачной прописки женщина с котиком на руках прячется за спиной мужа. Мамаша упрашивает своего великовозрастного сына слезть с печи и сходить на выборы за пирожками. Женщина в современной российской карикатуре, как и прежде, страдает, боится, уговаривает, закупает, заготавливает.

Женщина западная представлена в российской карикатуре совершенно иначе. Спектр образов шире и персонажи намного деятельней. Это и пацифистка с лозунгом «Распустить волосы и солдат по домам», и красотка, пляшущая перед моряками, — «Я скажу “добро пожаловать” любому флоту, который захочет нас посетить», и интеллектуалка, изучающая общественное мнение, в круглых очках, брюках и с широкой улыбкой[2].

Как только изображение переходит на уровень абстракции, когда невозможно зацепиться за конкретный политический персонаж, проступает диалог

[2] Используемые примеры представлены в библиотеке карикатур РИА «Новости» (2006—2013 гг.) под рубрикой «Политическая карикатура» (N=394). См. URL: http://visualrian.ru/ru/site/cartoon/flow/category/politics/ (дата обращения: 01.09.2013).

между визуальными текстами, реминисценции, а иногда и прямые цитаты из не только советского, но и дореволюционного прошлого. Всякая активность со стороны женщин рассматривается как сугубо западная черта, которая если и присутствует в российской жизни, то скорее как единичное подражание, нежели как норма.

Символ и феминизированный персонаж

Архаические типы женских символов связаны с материнским началом, вокруг которого формируются концепты плодородия, роста, потомства, благополучия дома, родины, матери-природы. Во времена античности к ним добавляется образ целомудренной жрицы или богини, проводницы божественной воли и вершительницы правосудия. Христианство дает начало двум традициям: «галльской», рассматривающей женщину в качестве погибельной, разрушительной, греховной силы, и «идеализирующей», на основе которой развилось куртуазное искусство [2, с. 55]. Аллегория и символ еще не так сильно разведены, их толкование понятно широким культурно-конфессиональным общностям. Усложнение происходит в буржуазную эпоху, когда «сознание функционирует в пределах элитарной, кружковой среды, предоставляя возможность своим адептам опознавать друг друга среди равнодушной толпы» [1, с. 156—157]. В XXI в. существующий набор традиционных аллегорий дополняется и расширяется, но наслоение знаков, не поддающихся прямой дешифровке, приводит к такому смешению, при котором невозможно четко проложить границы, ясно интерпретировать смысл. Происходит групповая маркировка действительности. «По символу опознают и понимают друг друга “свои”» [1, с. 156]. Российская политическая карикатура последнего десятилетия становится все более «кружковой», понятной узкому кругу посвященных, но, связанная родовыми обязательствами влиять на «массы», пытается преодолеть эту узость, все чаще прибегая к помощи пояснительных текстов. Из политической карикатуры первого десятилетия 2000-х постепенно уходят аллегорические схемы, их заменяет креолизованный текст, она нуждается в «текстовых подпорках», разъяснениях, ссылках. Усложненная символическая система должна соответствовать многоликой политической ситуации в стране. Но на визуальном уровне ясное маркирование проявляется лишь на уровне «власть — оппозиция», при более глубоком погружении знаки, которые позволили бы точно идентифицировать политическую позицию, едва просматриваются. Распознать «своего» не удается.

В середине 90-х А. Дмитриев писал, что «по мере культурного одичания нации выходит из употребления так называемая классическая “мифическая” группа, где прообразами служат персонажи Древней Греции» [7, с. 109]. В последнее десятилетие все меньше используется в карикатуре и советская символика. Реминисценции с советским пропагандистским искусством, столь востребованные в конце 90-х, встречаются реже и главным образом в непрофессиональной среде. В работе, посвященной таким аллегориям, как «Россия-Матушка»/«Родина-мать», О. Рябов отмечает не только деконструкцию символов советской эпохи, но и появление новых образов женственной России: «…Родины-мачехи, заботы и защиты которой безуспешно ждут многие ее сыновья и дочери» и России как шлюхи; «проституция становится метафорой

внешней политики страны в 1990-х годах» [15, с. 33]. Если образы мачехи и проститутки имели свои исторические аналоги, то в первом десятилетии нового века отмечается движение к образам, чудовищно-уродливым в физическом или нравственном отношении. Карикатура «Нефть-матушка» А. Куделина, подписывающего свои карикатуры «Вася Ложкин», олицетворение продолжения такого рода деконструкции, когда символ уже вовсе лишается человеческого начала, превращается в существо мистическое, чуждое человеку (ил. 3).

Ил. 3. Вася Ложкин. Нефть-матушка. 2012 г.
(URL: http://vasya-lozhkin.livejournal.com/332839.html (дата обращения: 01.09.2013))

Если в плакатном искусстве используется прямой символ, то в карикатуре, которая развивается в традиции карнавальной культуры, он переворачивается. Перевернутый символ приобретает новые черты и дополнительные смыслы. Так, традиционный символ женщины-матери, кормилицы и защитницы, в современной карикатуре преобладает уже в инверсивных моделях. Сатирический посыл такого рода символических структур таков, что мать-кормилица кормит не того и не тем. Оставаясь матерью, она взращивает темное, порочное, недужное чадо.

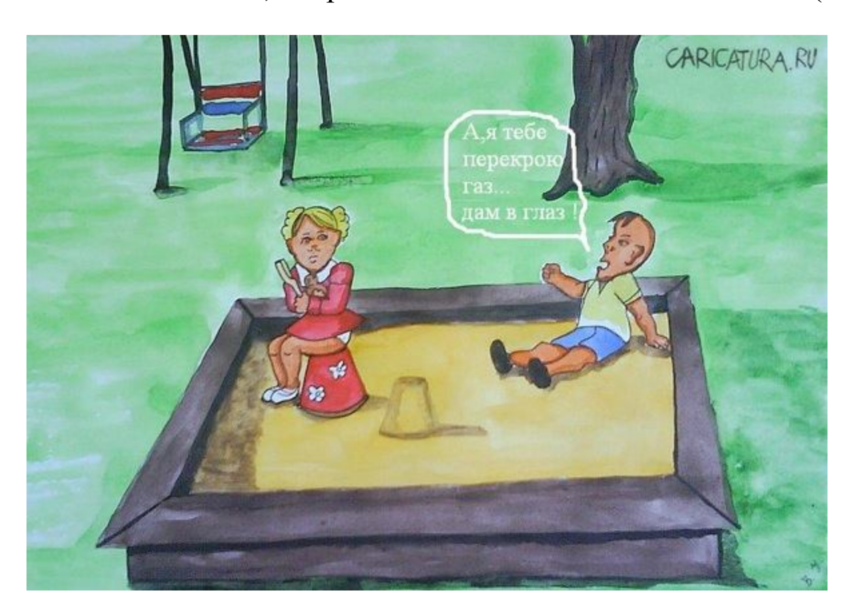
Необходимо отметить, что традиционно Россия изображается через сугубо женские символы [14]. В современной карикатуре символ становится более агрессивным и в ряде карикатур трансформируется в мужской. По тому набору символических обозначений, которые кочуют из карикатуры в карикатуру, можно понять внутреннее ощущение общества, его страхи, гордость, ненависть и равнодушие.

Еще один характерный элемент современной политической карикатуры — смена форм инверсии, которая происходит не только в сторону фемини-

зации, но и наоборот. Феминизация либо демаскулинизация персонажа карикатуры — свидетельство ослабления, дряхления, поверженности. По словам Т. Рябовой, «маскулинизация Своих и демаскулинизация Чужих является достаточно распространенным приемом внутриполитической борьбы; с помощью гендерных маркеров оценивается легитимность власти (или претензий на власть) Своих и Чужих политиков» [16, с. 214]. Феминизированный персонаж может быть представлен как в явной форме, так и в латентной. Хрестоматийный пример явной феминизации — карикатура Кукрыниксов «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии» (1943), где Гитлер изображается в образе голосящей бабы. Героя карикатуры переодевают в женскую одежду, зритель смеется над поверженным тираном. Латентная феминизация сложнее, персонаж постепенно обрастает символами, присущими женскому. Например, феминизация образа крестьянина в советском плакате 20-х «с превращением мужской косы в женский серп и, соответственно, с трансформацией крестьянина в колхозницу» [12, с. 93].

Характерный признак карикатуры последнего десятилетия — появление иного рода инверсии, из под маски женского персонажа проступают мужские черты. И такая маскулинизация несет в себе совсем иной посыл. Условно переодевание мужчины в женщину вызывает смех. Если же в лице персонажа, который традиционно ожидается как женский, проступает сугубо мужская агрессия, такой образ должен внушать скорее страх и тревогу.

Происходит подмена стереотипических образов. В карикатуре «Основы внешней политики РФ» В. Унжакова Россия уже не Мать, сильная женщина, способная защитить своих детей, а агрессивный и взбалмошный мальчик (ил. 4).

Ил. 4. В. Унжаков. Основы внешней политики РФ. 2009 г.
(URL: http://caricatura.ru/subj/polit/url/parad/vunjakov/13098/ (дата обращения: 01.09.2013))

Достаточно симптоматичен тот факт, что одним из самых популярных символов в российской карикатуре выступает богиня правосудия Фемида. Она пред-

стает в широчайшем спектре интерпретаций. Фемида несет политического деятеля, сгибаясь под его тяжестью, засовывает в карман деньги, торгует на рынке. Но все эти образы в той или иной степени имеют женскую коннотацию «пассивная жертва», «продажная женщина», «уличная торговка». Примечательная тенденция — проявление сугубо мужских черт в образе традиционно женском (ил. 5). Карикатурное изображение омоновца, переодетого богиней правосудия, растиражированное в социальных сетях и утратившее в многократном перепосте автора, в определенной степени отражает низовое восприятие действительности, реакцию на официальную ремаскулинизацию национальной идентичности[3].

Символы становятся более жесткими, что не связано непосредственно с отношением к женщине, она, как мы видим, остается все в том же приватном статусе, за редким исключением выходя за его рамки. Ужесточение символики относится к обществу в целом.

Ил. 5. Автор неизвестен. Фемида. 2012 г.
(URL: http://in-good.com/wp-content/uploads/2013/09/femida-omon.jpg
(дата обращения: 01.09.2013))

***

Размышления о современной политической карикатуре наводят на мысль о том, что она не только о политиках, она о всех нас, тем или иным образом вовлеченных в политику. Но в то же время карикатура изображает не живого человека, это всегда социально и культурно выстроенная схема, в которой персонажи, даже внешне похожие на конкретного политика, — это отражение це-

[3] Детальный анализ роли гендерного дискурса в изменении национальной идентичности России с 2000 г., обозначаемом как «ремаскулинизация», см.: *Рябов О. В., Рябова Т. Б.* «Россия поднимается с колен»? Ремаскулинизация и новая российская идентичность // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10, вып. 3—4. С. 250—257.

лого комплекса стереотипов и представлений. Изображения согласуются с преобладающим культурным восприятием женщин, которое уже разметило «женские» роли. Женщина-политик слишком чувствительна к порицанию, которое она может получить в сатирическом ракурсе. Да и в качестве «электората» она все еще пребывает в патриархальной структуре, подчиненной и пассивной. В то же время символические образы становятся все более агрессивными, а в ряде случаев и вовсе теряют свою традиционно женственную окраску.

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* София-Логос : слов. 2-е изд., испр. Киев : Дух і Літера, 2001. С. 155—161.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1965. 527 с.
3. *Богорад В.* Карикатуристы в одной лодке со СМИ. URL: http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c-1098110-0.html (дата обращения: 21.04.2013).
4. Виктор Богорад и Вячеслав Шилов — интервью 1996 г. URL: http://elcode-blog.ru/?p=3786 (дата обращения: 07.06.2013).
5. *Власенко Е.* Художник Михаил Златковский: «Власть не выдержит насмешки» : интервью «Радио “Свобода”». URL: http://www.svoboda.org/content/article/24092802.html (дата обращения: 01.04.2013).
6. *Горелик К.* Политическая карикатура в России : интервью с Михаилом Златковским и Андреем Влизковым. URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/163518.html (дата обращения: 10.06.2013).
7. *Дмитриев А. В.* Социология юмора : очерки. М. : Изд-во Отд-ния философии, социологии, психологии и права РАН, 1996. Очерк 9 : Политическая карикатура. С. 107—114.
8. Дружеские шаржи на деятелей советской литературы и искусства : альбом / авт.-сост. М. С. Вайсборд. М. : Сов. художник, 1987. 80 с.
9. *Ефимов Б., Фрадкин В.* О временах и людях. М. : Вагриус, 2005. URL: http://1001.ru/books/efimov/issue76/ (дата обращения: 01.09.2013).
10. Интервью с председателем гильдии карикатуристов А. Рыжовым. URL: http://www.m24.ru/videos/285 (дата обращения: 03.09.2013).
11. *Красин Ю. А.* Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Полития. 2004. № 3. С. 5—23.
12. *Михайлин В., Беляева Г.* «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89—109.
13. *Овчинникова Н.* «В России нет политической карикатуры» : интервью с М. Смагиным // Соль. 2010. 23 июля. URL: http://www.saltt.ru/node/3073 (дата обращения: 21.05.2013).
14. *Рябов О.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
15. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: история визуализации // Границы : альм. Центра этнических и национальных исследований. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 7—37.
16. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
17. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 4. С. 307—320.

18. *Хинич М.* Карикатура — это возможность почувствовать себя свободным : интервью с директором музея карикатуры Гилат Гаон. URL: http://www.boti.ru/node/41655 (дата обращения: 10.05.2013).
19. *Edwards A.* Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere // Science and Public Policy. 1999. Vol. 26, № 3. P. 163—170.
20. *Gunter B.* Television and Gender Representation. London : John Libbey, 1995. 179 p.
21. *Lundell A. K., Ekström M.* The complex visual gendering of political women in the press // Journalism Studies. 2008. Vol. 9, № 6. P. 891—910.
22. *Sheppard A.* Cartooning for Suffrage. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1994. 276 p.
23. *Turgeon A.* Les femmes et la politique dans les caricatures de Robert La Palme, 1943—1951 // Rev. d'histoire de l'Amérique française. 2009/2010. Vol. 63, № 2/3. P. 361—387.
24. Who Makes News : the Global Media Monitoring Project Report. URL: http://whomakesthenews.org/images/stories/website/gmmp_reports/2010/global/gmmp_global_report_en.pdf (дата обращения: 10.05.2013).

ББК 76.000.0

Н. А. Завершинская

ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Современная российская политика транслирует ценности, которые глубоко укоренились в российской культуре и согласуются с метафорической системой, в мире понятий которой протекает наша жизнь. «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, как замечает Р. Рорти, определяют большую часть наших философских (равно как и политических, и многих других. — *Н. З.*) убеждений» [1, с. 259]. Чтобы осмыслить реалии современной российской политической жизни, попробуем обратиться к исследованию сопровождающих ее метафорических образов. Метафоры мы собираемся изучать в контексте той реальности, которая конструируется медиаполитикой, имея в виду, что с наступлением информационной эпохи «поле битвы переместилось в ментальное сотворение и сокрушение образов» [5, с. 112].

Контексты конструируемой медиаполитикой реальности

Задачей массмедиа, как считает немецкий социолог Н. Луман, является управление самонаблюдением общественной системы. Для этого общественная система через посредство массмедиа должна быть способна в процессе наблюдения различать и обозначать нечто определенное. Благодаря различению в процессе самонаблюдения общество и конструируемые им коммуникации способны бинарно кодировать себя в отношении приемлемого/неприемлемого, адекватного/неадекватного, актуального/неактуального, нормального/аномаль-

© Завершинская Н. А., 2013